

Глава 46. «Хочу».

—

С трудом выбравшись из толпы, Цзян Сюньюй последовал за телохранителем, постепенно удаляясь от зала.

Вокруг стало тихо, слышались только шаги двоих.

Внутренние коридоры корпуса были многочисленны и сложны. Цзян Сюньюй быстро потерял представление о том, куда он идет, и мог только молча следовать за телохранителем, шаг за шагом вперед.

Пройдя бесчисленные повороты и множество строго охраняемых дверей, наконец, перед ними появилась большая и торжественная дверь. Это был кабинет Цзи Юйчжоу.

Телохранитель дважды постучал в дверь. Из-за деревянной двери раздалось негромкое: «Войдите».

В этом голосе не было слышно никаких эмоций, он даже казался немного призрачным и нереальным из-за звукоизоляции деревянной двери. Однако сердце Цзян Сюньюя, которое до этого бешено колотилось, в этот момент внезапно успокоилось, ударяясь в грудь глухо и немного болезненно.

Войдя в кабинет, он увидел, что внутренняя обстановка была простой и элегантной, очень похожей по стилю на кабинет Цзи Юйчжоу дома, даже расположение мебели было почти таким же, только пространство было больше, а на письменном столе было много витиеватых узоров.

Напротив двери находилось большое и светлое панорамное окно, сквозь которое проникали струйки света. Цзи Юйчжоу стоял перед окном, спиной к ним.

Человек, о котором он так мечтал, был прямо перед ним, но Цзян Сюньюй на мгновение не решался подойти.

Он был одет в белую военную форму, его спина все еще была такой, какой Цзян Сюньюй помнил, стройной, крепкой, заставляющей невольно восхищаться.

Телохранитель выпрямился и отдал Цзи Юйчжоу стандартное воинское приветствие: «Адмирал Цзи, я привел человека».

Цзи Юйчжоу не повернулся, его голос по-прежнему был негромким: «Хорошо, можешь идти».

Телохранитель поклонился и вскоре исчез за дверью. Раздался глухой звук закрывающейся двери. В огромной комнате остались только Цзян Сюньюй и Цзи Юйчжоу.

Никто не начинал говорить первым. Время в этот момент словно остановилось.

Цзян Сюньюй зачарованно смотрел на спину Цзи Юйчжоу, наконец решился и сделал два шага вперед.

На полу был толстый ковер, и шаги по нему звучали лишь слегка приглушенно.

Он остановился примерно в двух метрах позади Цзи Юйчжоу и тихо позвал: «Господин Цзи».

Цзи Юйчжоу обернулся.

Солнце за окном светило ярко, падая на его белую военную форму, словно покрывая ее золотистым сиянием. Его взгляд был устремлен прямо на Цзян Сюньюя.

«Сюньюй».

Хотя Цзи Юйчжоу не делал никаких смущающих движений и не говорил никаких постыдных слов, Цзян Сюньюй почувствовал, что его лицо пылает. Он невольно сглотнул, горло пересохло: «Господин Цзи... я вернулся».

Взгляд Цзи Юйчжоу окинул Цзян Сюньюя с ног до головы, и через мгновение он тихо сказал: «С возвращением».

Его голос был холодным, выражение лица тоже было холодным, словно у бесчувственного божества, но легкая улыбка в уголках глаз выдавала его текущие эмоции.

Человек, по которому он так долго тосковал, наконец стоял перед ним в целостности и сохранности. Даже самый хладнокровный человек не мог остаться равнодушным, тем более что в сердце Цзи Юйчжоу уже был зажжен огонь Цзян Сюньюем.

Он больше не сдерживался, сделал два шага вперед, протянул руку и снял мешающую кепку с головы Цзян Сюньюя. Его голос невольно стал хриплым: «...Сюньюй».

Их глаза встретились. Цзян Сюньюй ясно видел огоньки, пляшущие в этих чернильно-черных глазах. Он подсознательно сглотнул, и почти инстинктивно позвал: «Господин Цзи?»

Цзян Сюньюй немного вырос за год, его макушка теперь доходила до бровей Цзи Юйчжоу. Цзи Юйчжоу наклонился, и их лица оказались совсем близко.

Цзян Сюньюй, казалось, почувствовал особенный древесный аромат господина Цзи, по которому так тосковал, и ощутил его нежное дыхание на кончике своего носа.

Он подсознательно сделал два шага назад и почувствовал... позади себя стол из цельного дерева.

Он уперся одной рукой в столешницу, его ладонь даже почувствовала витиеватый и роскошный узор.

Цзян Сюньюй оказался зажат в очень узком пространстве, окруженный ароматом Цзи Юйчжоу.

Его тело обмякло, казалось, оно ему больше не принадлежит. Грудь тяжело вздымалась, тонкие ресницы непрерывно дрожали, словно бабочки, готовые взлететь.

Хриплым голосом Цзи Юйчжоу раздался у его уха: «Почему ты вернулся?»

Если бы Цзян Сюньюй сейчас был достаточно спокоен, он бы заметил, что на самом деле Цзи Юйчжоу тоже нервничал. Руки, которыми он опирался по бокам его тела, слегка дрожали, а на кончиках его ушей был едва заметный румянец.

Цзян Сюньюй с трудом сглотнул слюну. Голосовые связки были напряжены, и он совершенно не понимал, как у него вырвалось: «Потому что... вы здесь».

«Только из-за меня?»

Цзи Юйчжоу тихо рассмеялся, и огоньки, пляшущие в его глазах, стали еще сильнее, словно предвещающая бушующее пламя, готовое поджечь и тело Цзян Сюньюя.

Цзян Сюньюй неосознанно дважды сглотнул, взгляд его упал на кончики своих ботинок, он совершенно не осмеливался посмотреть на Цзи Юйчжоу. На щеках появился алый румянец: «Мм».

«Ты видел те интересные и новые вещи, которых никогда не видел рядом со мной?»

«Мм».

«Ты знаешь, что я тогда привел тебя сюда, чтобы использовать?»

«Мм».

«Знаешь, что если вернешься сейчас, то уже не сбежишь?»

«...Мм».

«Все еще хочешь вернуться ко мне?»

«Хочу».

Цзи Юйчжоу ясно слышал, как его разум обрывается.

Слышал? Он сказал «хочу», зная обо всей его темноте и обмане, все равно с чистым сердцем, желая лишь остаться рядом с ним.

В сердце Цзи Юйчжоу скрывался жестокий зверь, жаждущий заточить стоящего перед ним молодого человека с сияющими глазами. Завладеть им, чтобы этот ребенок, чьи глаза сияли, как звезды, который был таким искренним и даже готов был вырвать сердце, чтобы отдать ему, навсегда принадлежал ему.

Но он не мог так поступить.

Потому что это было его единственное сокровище.

Цзи Юйчжоу сдерживался, подавлял себя, полностью укрощая свою жестокость, оставляя лишь чистую нежность.

Долго, очень долго.

Он просто тихо смотрел на черты лица Цзян Сюньюя.

Раз за разом перерисовывая их, жадно желая запечатлеть каждый его дюйм в своем мозгу.

После долгого ожидания ответа от Цзи Юйчжоу не последовало. Тонкие ресницы легко дрожали. Цзян Сюньюй хотел украдкой взглянуть на выражение лица Цзи Юйчжоу, но в следующую секунду его губ коснулось что-то мягкое и нежное.

Цзян Сюньюй внезапно распахнул глаза, встретившись взглядом с Цзи Юйчжоу. Перед ним были глаза Цзи Юйчжоу, похожие на глубокое озеро. Одного взгляда было достаточно, чтобы

он утонул в них, без всякой возможности выбраться.

«Хороший мальчик, закрой глаза».

Крылья бабочки трепетали, Цзян Сюньей послушно закрыл глаза, его сердце яростно стучало в груди.

Этот поцелуй не был глубоким, он лишь коснулся губ, но даже этого было достаточно, чтобы Цзян Сюньей обмяк в объятиях Цзи Юйчжоу. Его пальцы невольно сжимали мундир Цзи Юйчжоу, сминая идеально выглаженную форму.

«Извини... извини...»

Цзян Сюньей немного смущенно хотел отпустить, но большая рука Цзи Юйчжоу обхватила его руку, полностью заключая ее: «У тебя больше нет возможности отпустить».

Хриплый низкий голос снова заставил колени Цзян Сюньей подкоситься. В глазах появилась тонкая пелена физиологической влаги. Он моргнул, и эта пелена задрожала вместе с ресницами.

Необходимое уже было сделано, и последующее признание казалось само собой разумеющимся.

Цзян Сюньей не колебался, тихо заговорил: «Господин Цзи, я... я люблю...»

«Ш-ш-ш...»

Цзи Юйчжоу одной рукой закрыл ему губы.

«Сюньей, я люблю тебя. Не из-за выгоды и не из жалости, я просто хочу хорошо тебя оберегать... Ты можешь дать мне этот шанс?»

Любовь всегда сопровождается неуверенностью и тревогой, а первый, кто признается, часто оказывается в более слабом положении. Но Цзи Юйчжоу был готов к этому.

Он хотел сказать своему малышу, что независимо от положения и прошлого, они равны в любви, и даже он сам первым признался. Ему не нужно было чувствовать себя неполноценным или беспокоиться.

Цзян Сюньей слишком хорошо знал горечь безответной любви, и как он мог не понять намерений Цзи Юйчжоу, поступившего так? Он почувствовал, что все его сердце погрузилось в теплую соленую воду, набухло и стало болезненным.

Он сам обхватил руками шею Цзи Юйчжоу и оставил мимолетный поцелуй на его губах.

Его щеки были настолько красными, что едва не кровоточили, а сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

«Господин Цзи, я тоже вас люблю».

«Хороший мальчик».

Цзи Юйчжоу вздохнул и снова поцеловал Цзян Сюньей в губы.

На этот раз поцелуй не ограничился только мягкими губами. Кончик языка проник между губ, продвигаясь внутрь и захватывая принадлежащую ему территорию, ведя за собой неуклюжий маленький язычок в танце.

Трепет души заставил все тело Цзян Сюньюя задрожать. Это было слишком возбуждающе. Он подсознательно хотел увернуться, и его рука случайно задела жесткий, холодный предмет на поясе Цзи Юйчжоу.

Тело Цзян Сюньюя подсознательно вздрогнуло, его пальцы еще крепче вцепились в одежду Цзи Юйчжоу.

Цзи Юйчжоу быстро понял, что его малыш боится фотонного пистолета.

Он нежно и незаметно переложил свое табельное оружие, обхватил руками тонкую талию Цзян Сюньюя и углубил поцелуй.

—

<http://bllate.org/book/12842/1131921>